

МИР ПИСАТЕЛЯ

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru**

Автор первой книги о Захаре Прилепине **Алексей КОЛОБРОДОВ** отвечает на вопросы **Романа БОГОСЛОВСКОГО** (прямо) и на написанное/сказанное **Татьяной Толстой, Алексеем Навальным, Виктором Шендеровичем, Дмитрием Быковым, Петром Аевном, Татьяной Лестевой, Игорем Яковенко** (косвенно).

Алексей Колобродов написал книгу о самом популярном писателе своего поколения и назвал ее – “Захар”. Выпустило её издательство АСТ, страниц в книге 512 – много. Как гласит аннотация, читателя ждет “не биография, время которой ещё не пришло, но – “литературный портрет”: книги писателя как часть его (и общей) почвы и судьбы; путешествие по литературе героя-Прилепина и сопутствующим ей стихиям – Родине, Семье и Революции”.

Работа нужная и современная, и дело даже не в юбилее главного героя. Какие кривотолки и пересуды только ни сопровождали последние 5-7 лет жизни, литературную деятельность и образ мыслей Захара Прилепина. В этом весьма неформатном интервью я попытаюсь выяснить, чем Захар медийно-всеобщий отличается от “Захара”, персонажа книги. Или дело даже не в отличиях, а в тех невидимых связях между 3 и “3”. В составлении вопросов мне помогли очень известные и уважаемые люди, хотя и косвенно. Помогли тем, что время от времени выдавали что-то неожиданное или, напротив, предсказуемое о Прилепине публично.

Все источники, с которыми я работал – открыты. Свобода слова, свобода мысли, свобода стучать по клавишам – куда от этого денешься? И ещё: я сам не так давно писал биографию, и знаю правило: “Десять предложений пишем, тридцать в уме”. Исходя из этого мы, конечно, сможем существенно расширить и дополнить книгу этим интервью. Право первого и единственного вопроса от себя – моё. Итак:

1. *Алексей, сама собой возникает мысль, что писал книгу не холодный биограф-наблюдатель или литературовед из будущего, а явный предвзятый автор. Хотя бы потому, что не выдержано никакой временной дистанции, всё с пылу, с жару. Сам я твой труд не читал, что естественно, ибо этого интервью не получилось бы. Расскази, какова в биографии (а я думаю, что это всё же биография) Прилепина доля предвзятости в соотношении с независимыми суждениями и оценками? Лучше тебе сознаться сразу, поскольку ведь читатель все равно поймет, что к чему...*

– Давай, Роман, сразу договоримся, и с тобой, и в твоём лице – со всеми читателями и потенциальными рецензентами, что книжка моя – вовсе не биография. Меня меньше всего интересовала внешняя канва – сочинять биографию живого писателя, который должен жить и писать ещё, как минимум, столько же, а дальше – как Господь управит – занятие для меня невымыслимое. От фраз “Захар навсегда запомнил тот день, когда отец впервые привёл его в сельскую библиотеку” или “В казарме к нему бравые омововцы поначалу отнеслись настороженно”, я испытываю примерно те же чувства, что радиоведущая Ксения Ларина от понятия “патриотизм”. Жизненная история Захара Прилепина так или иначе считывается в его книгах и интервью; в “Захаре” есть на эту тему цитаты и выдержки – целое приложение собрано из интервью разных лет, но всё это – вне моего авторского корпуса.

Мне хотелось написать литературный портрет – это направление не слишком популярно в той сфере non-fiction, которая худо-бедно развивается вокруг современной русской словесности. Но вообще в литературе масса выдающихся примеров – имен называть не буду, дабы не сватать себя в почётный легион.

Это не классическое литературоведение – академический подход которого Прилепин, безусловно, давно заслуживает – не моя чашка чая. Не литературная биография – потому что подход у меня к текстам и другим поводам совершенно нелинейный. Иногда нейтральный, иногда весьма эмоциональный разбор книг писателя, попытка обнаружить их общие мотивы и корни, серия снимков и зарисовок на фоне эпохи, определение “отцов” и лидера самого деятельного сегодня поколения литераторов и,

возможно, в скором времени – политиков... Вот в чём, пафосно выражаясь, состоял мой замысел.

Я предвзятый портретист, безусловно. Но, скорей, не в парадно-глянцевом, а в импрессионистском смысле. Основное чувство, меня направлявшее, – светлое: благодарность. Поскольку по жизни благодарен своему герою. Захар Прилепин вернул России её литературу. Литературу как коллективное переживание,

Захар vs “Захар”

как вернейший принцип национальной идентичности. И как индивидуальный опыт обретения независимости, когда читатель ищет свои пути на дорогах, проложенных писателями.

Самим своим появлением, затем активной литературной и общественной деятельностью – он отобрал у пластмассового мира, который, казалось, победил, и уже навсегда, – пространство для живого и настоящего. И отбрасывает (отбывает) дальше, и не в одиночку уже, и это освобождение людей и смыслов – не остановать.

Ольга Погодина-Кузмина, прозаик и сценарист, говорила мне о Прилепине: “Он, конечно, голос поколения. Натуральный фермерский продукт среди постмодернистских изысков и суррогатов. Люди это чувствуют”. Надеюсь, однако, что эта предвзятость не помешала точности оценок, диагнозов, оптику не повредила. Ведь настоящий профессионализм – он не одной квалификацией определяется, но и любовью... Снова пардон за пафос.

Впрочем, уже нашлись желающие его снизить. Некоторые представители литературного дэтсада, не дожидаясь выхода, объявили книгу “жополизской” (сам эпитет выдаёт вполне мусорную квалификацию владения родным языком). Читать они её не будут, но о процессе, эпитетом описываемом, хорошо знают. Видимо, из собственного опыта.

2. *Татьяна Толстая. В своём FB Татьяна Никитична пишет, среди прочего, о том, что “Прилепин будет выпускать модельную одежду. Естественно, патристичную”. И там же она расшифровывает: “RPS – или Russian-PowerSystems – российский бренд одежды и аксессуаров, предназначенный “для смелых и решительных”. “Аудитория” бренда – мужчины “от 16 до 60 лет”. Интересно, что коллекция весна-лето в 2015 г. выпущена по военным лекалам и состоит из нескольких капсульных блоков, каждый из которых символизирует одно из достижений России: “Космос”, “Катюша”, “Ледокол “Амал”, “Пелтия Нестерова” и т.д... Алексей, об этом есть что-то в твоей книге? И что ты думаешь о запуске Захаром линейки “патристичной одежды”? Это и есть то, чем должен заниматься современный писатель?*

– Этого сюжета у меня нет по причинам хронологическим – я закончил “Захара” и тут подошла такая весёлая новость. Однако имею наглость полагать, что к самой идее я имею некоторое отношение, ибо первым сделал среди “жеренцев” (неформальное сообщество друзей, единомышленников, собутыльников, о них немало всякого в книжке) популярными футболки с оригинальными принтами, картинками. У меня были Аркадий Северный, Фёдор Достоевский, Алексей Балабанов; Захар в какой-то момент сделал принт героя донбасского сопротивления Моторолы, и мы, помню, с музыкантом Сашей Склярком концептуально рассуждали, как в архетипе русского традиционалиста, бродяги и аскета сошлись шансонье Северный и воин Моторола...

Зато я много говорю о том, что русский патриот Захар Прилепин – очень современный, и в этом смысле совершенно западный тип деяте-

ля. Делателя себя и окружающего пространства. Writer as artist.

Вообще, модель Прилепина в искусстве и жизни – до дна зачерпнув традиции, воспев её и дополнив, облечь во вполне современную, гибкую, яркую, вовсе не коммерческую, но максимально удобную для “продвинуть и навязать” форму. Линия одежды легко в эту модель вписывается и придаёт ей какое-то хулиганское измерение; гламур пародируется его же

средствами.

Другое дело, что у него были здесь продвинутые предшественники – сам Захар вспомнил недавно о коммерческих (вплоть до спекуляций уроком и куражом) проектах Сергея Есенина. Я напомню, что Иосиф Бродский был совладель-

цем модного ресторана “Русский самовар” в Нью-Йорке, а, скажем, Василий Аксенов и Эдуард Лимонов линий одежды не создавали, но делали неизмеримо большее – снабдили стилем и аксессуарами несколько поколений.

Так что Татьяна Никитична (кстати, не только писательница, но телеведущая и пиар-консультант) здесь напоминает жукинского “начитанного и ехидного” мужика Глеба Капустина, который использует любой повод “срезать”. Эта их полемика с Прилепиным – регулярная, я наблюдаю её с удовольствием, – возникла вокруг своеобразного спора о наследстве. Я много в книге говорю о том, что эстетическая родина Захара – 20-е годы, постревлюционное искусство, но не авангард, а, скорее, пропущенная через фильтры и примочки социальных катаклизмов традиция, здесь наиболее близки ему не только Леонов и Шолохов, но и Мариенгоф, Аркадий Гайдар и – главным образом – Алексей Николаевич Толстой, приходящийся Татьяне Никитичне, как известно, родным дедушкой. Отсюда, полагаю, раздражение и ревность. Как-то в ответ на очередной наезд г-жи Толстой, Захар ответил с превышением – якобы цитируя “красного графа”. Pamфлетом-зарисовкой абсолютно алексей-толстовского качества и стиля, которой тот, однако, никогда не писал. Можно себе представить реакцию Татьяны Никитичны... Она, конечно, понимает уровень и шутность подобных стилистических изысков.

3. *Алексей Навальный. Алексей, в интернете есть небольшое видео, под названием “Эпизод 886. Собчак и Навальный о Прилепине и либералах”. Навальный, на один из вопросов Ксении Анатольевны, отвечает: “Прилепин – имперец по сути своей. Поэтому ему нравится рассуждать о каких-то вот таких вот шутиках, что вот мы нахреначили железных бронепоездов, которые сейчас в разные стороны поедут, и мы захватим Европу. Ну, это всё... под этим нет ничего, кроме мифологии”. Расскази, что есть в твоей книге о политических взглядах Прилепина? Он действительно имперец? И если да, то что под этим понимать? И здесь же – насколько Прилепин любит выстраивать мифы вокруг себя и конструировать инфоповоды только для*

того, чтобы получить максимальный выхлоп в СМИ?

– У меня там два раздела, посвященных “антиприлепину” разных мастей, страстей и кондиций. Кроме того, подобного жанра и жара и в других главах хватаёт. Интересно, впрочем, что Навального в качестве прилепинского оппонента я не рассматривал отдельно, и, судя по приведенной тобой цитате, правильно сделал – ничего нового он тут не сообщает, а перередаёт, как и вся эта публика. Которая – странное дело – свои вполне банальные идеи требует цитировать до последних запятых и лучше без интерпретаций, а с чужими обращается страшно либерально. Я неплохо знаю тексты и высказывания Захара по разным поводам, в этом смысле я, скорее, не биограф его, а текстолог – так вот, ответственно заявляю, что никаких “железных бронепоездов”, “нахреначили” (слово явно не из прилепинского словаря) и “захватов Европы” мы там не встретим. Навального – не по образу, а по функционалу – я как-то сравнил с Остапом Бендером, а теперь просится конференсье Жорж Бенгальский, тот самый, “поздравляю, гражданин, соврамши”.

Идём дальше – взглядам Захара Прилепина, как политическим, так и эстетическим, так или иначе посвящена почти вся моя работа, я объясняю, что их трудно разделить, это единая стихия. Захар, да, имперец (жалё, дефиниции этой тоже судьба быстро засалилась, как “патриот” и “либералу”), но здесь мне видится главной не идеологическая сторона (масштаб, история, традиция), а писательская, да и человеческая стратегия – преодоление хаоса, обретение гармонии. Центростремительный посыл – столь эффективному сумел бы стать только патриот по убеждению и “понятиям”, имперец по функционалу и либерал в общении. Объединяющий векторы, умеющий быть центром. Тем более, для такого поворота сегодня возникают все основания.

Что касается пиара и мифа... Захар чувствует обратную сторону гармонии – разломы, трещины, всеобщую межеумочность и её непреодолимость, – острее и точнее большинства соотечественников, использует в своей литературе и жизнестроительстве с такой литературностью и на той грани, которую недоброжелатели называют “спекуляцией”. Но тут другое – не комплекс, а синтез: любви и энергии преодоления.

4. *Виктор Шендерович. Свою статью “Добро пожаловать”. Ответ Прилепину” Шендерович начинает так: “В газете “Завтра” опубликовано “Письмо товарищу Сталину”. Пафос письма полностью соответствует месту публикации, и можно было бы, не оборачиваясь, пройти мимо, если бы не имя автора. “Письмо” написал Захар Прилепин. Вот я и прочел его. И с печалью констатирую: Захар стал антисемитом, о чём, собственно, и уведомил общественность публикацией этого текста. До того Прилепин числился в “левых”, вплоть до острой лимоновской фазы – и многие, в том числе я, списывали это на nostalgia по советской детской ясности мира, на затянувшуюся молодость. Думали, повзрослеет – оклемается...”. Алексей, вопросы. Антисемит ли Прилепин? Для чего было нужно писать “Письмо товарищу Сталину”? Прошла ли у Прилепина (если была) “острая лимоновская фаза”? По традиции уже – что есть по этим поводам в книге и что, может, твоя об этом не вошло.*

– Интересно, что публикация нашумевшего “Письма товарищу Сталину” Виктор Шендерович атрибутирует газете “Завтра”. Тогда как пионером здесь была “Свободная пресса”. Это очень важный момент! Ошибка, скорее, подсознательная, и тем наглядней. Дело в том, что Виктор Анатольевич и его единомышленники много лет ощущали себя мейнстримом. Мы, дескать, хозяева дискурса, а левые и патриотические идеи пусть хиреют где-то в гетто, за виртуальной колёчей провоколай: газета “Завтра”, журнал “Наш Современник”, запрещенная “Лимонка”...

Они полагают, что это и есть свобода слова и какое-никакое соблюдение приличий. И самодовольно проморгали момент, когда сами превратились в маргиналов, а экс-маргиналы оказались сталкерами двух-трех поколений. (Я не

агитпроп здесь имею в виду, но власть над умами). “Свободная пресса” – вполне себе центральное, технологичное, раскрученное СМИ. То есть, с одной стороны, Шендерович как бы заговаривает реальность: мол, всё по-прежнему, радикалы печатаются в бордодатом “Завтра”, но тут же непоследовательно утверждает, что читателей у Захара станет теперь на порядки больше – все антисемиты пополнят ряды, а их же, как любит бояться Шендерович, миллионы, тьмы и тьмы...

Антисемитизм – пикантная тема, в заметке, которую ты цитируешь, Виктор Анатольевич сравнил его с сифилисом. Как ни странно, в этой параллели что-то есть точное, смыслы, которых Шендерович явно не закладывал. Во времена, когда сифилис бушевал в России (гражданская война, разруха и пр.), это же была фобия. В литературе многократно описано, как молодой богемный человек, обнаружив на теле невинное высыпание, выбирает между “сразу застрелиться”, или бежать к венерологу, доктору Турбину. В наше время определённая публика, заметив не у себя (тот же Шендерович не так давно выступил чистым биорасистом), а у других отдаленные и чаще мнимые признаки болезни, начинает предаваться любимой фобии.

Я вот полемизирую в книжке с литературным обозревателем “Коммерсанта” Анной Наринской, которая в рецензии на “Обитель”, эдак поджав губы, пеняет Захару, – дескать, вывел неприятного еврея-приспособленца, ну а чего ещё от Прилепина ждать? Между тем, речь о Моисее Соломоновиче, который чуть ли не единственный из активных персонажей остаётся в стороне от тотального расчленовничания, имевшего место на Соловках. Этот симпатичный персонаж, не в самых подходящих для себя обстоятельствах, предлагает главному герою паёк и освобождение от общих работ в конторе – дорогого стоит... Вообще, процесс оборотничества в соловковом аду охватывает многих – русских, чеченцев, священнослужителей, латышей, чехистов (в т.ч. с украинскими фамилиями), политических и уголовников, бытовиков и поэтов, а вот не впускают его в себя две категории заков – крестьяне из российской глубинки и евреи. По-разному, но тем не менее. Евреям – скажем, архитектору экономики ГУЛАГА Нафталию Френкелю в “Обители” свойственен эдакий “зэффект постороннего”. Что, на мой взгляд, даже не исторично, но так у Прилепина.

На этом тягостный вопрос можно было бы и обрубить, поскольку я пишу о писателе, взгляды которого – в его текстах, включая “Письмо товарищу Сталину”, которому, мало что отметив, предпослан эпиграф из Бориса Слуцкого. Но всё же добавлю: антисемит, как правило, человек, чья главная (а порой и единственная) мысль о евреях. Между тем, у Захара – мыслей множество, и евреи среди них находятся где-то, может, в третьей тысяче. Если вообще находятся.

Далее, по пунктам. Захар многократно объяснял причины появления “Письма товарищу Сталину” – и общественно, так сказать, политические, и, что важнее, экзистенциальные. Я их разбираю, и предлагаю собственную версию. Если кратко – здесь всё то же стремление к преодолению хаоса и порядку на рабочем столе. Инвентаризация смыслов и ценностей.

Что такое “острая лимоновская фаза” – я не знаю. Звучит весьма кулинарно, может, в данной сфере ответ и прётсяся. Тема “Прилепин и Лимонов” – принципиальная в книге. Это “отцы и дети”, но не в традиционном варианте конфликта, а, напротив, случай – отнюдь не редкий – симфонии, продолжения, наследования... “Пошли мне, Господь, второго” – как у поэта Вознесенского.

Меня больше занимали, впрочем, не политические сближения – тут всё очевидно, а этические и художественные. Я, например, обнаружил, много общего в отношении к религии, Богу, у традиционалиста Захара и ересиарха Эдуарда. Через Леонида Леонова, что любопытно. Ещё интересно, что в романах Прилепина и Лимонова даже фауна общая, одинаковая. Эдакий НБП-бестиарий.

(Газетный вариант. Полностью диалог см. на нашем сайте и на сайте “Свободной прессы”)

В словаре Даля, там, где идёт повествование про повсюду о мёде и дёгте, как это водится у Владимира Ивановича, приведён широкий контекст.

Не просто констатация несочетаемости двух этих субстанций – дёгтя и мёда: “Кадка (бочка) меду, ложка дегтю: всё испортит”. Но и признание известной фатальности подобного союза: “В которой посудине дёготь побывает, и огнём не выжжешь”.

Речь идёт не только о том, что любой объём мёда всего от одной ложки дёгтя может быть неотвратимо испорчен. Но и о том, что одновременно рискует пострадать даже тара, где подобное смешение произошло. С самыми долгоиграющими последствиями. Вплоть до окончательной порчи, как всего обоего мёда, так и ёмкости, где всё это столь беззаботно хранилось. При этом трудно отделаться от ощущения, что описанная ситуация практически один в один схожа с практикой современной публикации стихов. Где совершенно не различаются ни субстанции, ни пропорции, ни последующие едоки итогового экстравагантного продукта.

И хочется иногда этак на встрече с россиянами бросить клич, дескать, читайте книги, книги – источник знаний и учитель жизни. Тут же секаюсь, впрочем, поскольку книги бывают разными и иных книг читать не нужно даже, когда заставляют читать.

Вспоминается праздный разговор в поезде. Тракторист, он же механизатор, местного колхоза бросил пить и засел за чтение.

– Суворова читаю, – гордится парень. – “Ледокол” закончил, теперь за “Аквариум” принимаю.

– Это Резуна что ли читаешь? –

– Его. Суворова. Много фактуры там, очень интересно.

– Чем Резуна читать, лучше бы ты продолжал пить.

Обиделся парень, отвернулся, устался в окно. А ведь так всё благостно началось. Но и извиняться перед незадачливым читателем не хочется. Поскольку нахлебается человек дёгтя, изгадит всё, что можно, и там уже любое количество классического мёда не спасёт. Хоть по собораниям сочинений классиков изучай. Призывы читать – сам по себе, без ориентиров и буйков, призывы читать лишь бы что, просто брать и читать – реально беспомощны. Кто же тогда поможет отобрать то, что нужно читать, и как практически такой отбор сейчас можно осуществить? Анонсы издательства, реклама, премиальный шум не в счёт, так как издательства или какие-то финансовые группы вложили в своих авторов деньги и им в обязательном порядке нужно вложенное вернуть. О качестве литературной продукции здесь в принципе речь идти не может. Тогда что?

С ходу напрашивается ответ – критика.

Андрей КАНАВЩИКОВ

Но одновременно гложут сомнения: а нужно ли критике ориентировать читателя? Может, критика это всего лишь более решительный придаток рекламной кампании издательства и фи-

может быть, некое единение пишущих способно раскрыть глаза? Союз писателей или что-то иное по его подобию, этакое профессиональное, большое, важное? И всё бы ничего с таким раскладом, только попробуйте найдите этот Союз писателей, если телефоны давно отключены, компьютеры спонсоры ещё не подарили, и день сейчас неприёмный! А если и найдёте, то ничего вам эта общественная организация не предложит, в крайнем слу-

тем больше прочитаешь хорошего. Увы, не факт, что прочитаешь.

Поэтому выход здесь только один, как он ни покажется сложен или нарочит. Выход в том, чтобы раз и навсегда понять несочетаемость дёгтя и мёда и ни в коем случае не путать количество прочитанного с его качеством. Будет такое разделение внутри человека, не потянется он бездумно за каждой модной книжкой только по причине её назойливой рекламы – вот и

произойдёт рождение думающего, серьёзного читателя.

Читатель – это всего-навсего продолжение личностной ипостаси человека. Не функция поглощения печатных знаков посредством зрения, а одна из форм реализации личности. Значимая дополнением “что ты читаешь” в продолжение к мотиву “что ты думаешь” или “что ты говоришь”.

И быть личностью тебя не заставит никто – ни издательство, ни Союз писателей, ни кореша у гаражей. Ни даже соседи по лестничной площадке.

А если уж очень хочется опереться на чьё-то мнение, хочется внешних ориентиров, то читать у критиков следует исключительно положительные рецензии, опираясь на их понимание позитива. Почему? Да потому, что грязь в принципе – признак ангажированности и психического (психологического) сбоя. Как говорил некогда Пушкин: “Нет убедительности в поношениях, и нет истин, где нет любви”.

Понятно и то, что положительность не синонимична паточности. Иная тупая лесть из перечислений восторженных эпитетов бывает гораздо вреднее, чем заборная брань. Как пример верного и взвешенного подхода можно привести статью из “ЛГ” – “Помехи информации” Кирилла Анкудинова. Там он не просто раздвигает под орех Наймана, но и подробно объясняет почему, подводя разговор к более существенным выводам. Чтобы, наконец, процитировать аж 20-строчное стихотворение Александра Адельфинского с четким выводом: “Адельфинский пишет хорошие (красивые и логичные) модернистские стихи”.

То есть критика как таковая Анкудинову была важна лишь для того, чтобы объёмнее и лучше прозвучали его позитивные утверждения, чтобы его положительная программа в полной мере состоялась. И разное Наймана ни в коем случае не являлось для критика самоцелью, лишь побочным средством.

Поскольку дёготь бесполезно ругать за то, что он дёготь. Он может быть только тем, чем он является. Равно как и мёд. И уже человек сам решает, что ему вытравлять со своим желудком или мозгом.

Деготь и огнем не выжжешь

нансовых групп и тем её функция и исчерпывается?

К тому же, критике, как любой литературной форме, тоже хочется, чтобы её читали, и, если встаёт выбор между общественной пользой и личным авторитетом зачем, спрашивается, критике лишать себя куса хлеба?

Вот, например, слепили некие издательства некие книжонки якобы для детей. “Эффектные глянцевые обложки, странички из твёрдого картона”, а внутри “безвкусица, безграмотность, глупость”, не жалеть красок критик на страничках авторитетнейшего литературного издания. Только вот все критические его стрелы уходят в авторы. Это, дескать, авторы такие непотребство наплодили. Однако, если судить по широкости изданий и тому, что критик купил свои книжонки в столичных магазинах, то становится ясно, что не графоманы тут рвезятся, а издательства, и если кого и ругать здесь, то уж никак не авторов, которые просто не понимают в 99 процентах случаев, что именно они творят.

Критик сам очень скоро спохватывается: “Издательства давно уже не следят за качеством выпускаемых книг: любя чужь, написанная якобы для детей, приносит такую же прибыль, как и классические образцы литературы для малышей”. Но спохватывается он уже только после обильного хлестания по щекам троих конкретных авторов, которые по большому счёту виноваты только в том, что не имеют поэтического слуха. И даже когда критик “спохватился”, то ни одного издательства, плодящего “чужь”, он не называет. Этак в советское время местные газеты любили хихикать над пропагандизми и стрелочниками, не трогая фирм выше прораба.

В итоге читатель кайфует от публичной порки графоманов, втайне радуясь, что не про него написали. Но практической пользы не в счёт, так как издательства или какие-то финансовые группы вложили в своих авторов деньги и им в обязательном порядке нужно вложенное вернуть. О качестве литературной продукции здесь в принципе речь идти не может. Тогда что?

Хорошо. Если не подмога критика, то,

Как планеты обетованной
отдаленное отражение,
с детских лет
Атлантида туманная
манит наше воображение.

Я с утра отправлялся
на поиски
босиком
по дорогам проселочным,
пробирался сквозь
заросли по песу
островками
полянчек солнечных.

Оратания **Леонид ТЕРЁХИН**
(1930-2001)

И вставая
с восходами ранними,
и встречая
разливы рассветные,
я другую страну –
О р а т а н и ю,
открывал для себя незаметно.
Не далёкую, но туманную –
с горьким запахом трав
на полянах,
берестяную и росную,
в ореоле сиянья полярного.
Слушал я не сирен,
не оракулов –
трели жаворонка,
крик журавлиный
и протяжную песню оратая
над полями,
лесаами, долинами.
Под густой синевой
ослепляющей
я улавливал
в ветре стремительном
свист косы,
постепенно сливающийся
с реактивным свистом
в зените.
Пела Родина мне:
“Баю-баюшки,
вырастай, мой сынок,
оратающей,
ты в сорочке родился,
счастливым,
вместе с хлебным юльским
разливом”.

Эта песня в душе моей
сызмальства...
И в загадочной Оратании,
где пахали и севля сывздава,
в поколениях, по преданию,
узнавал я Россию родимую.
И живёт эта песня
в груди моей
не по случаю и не временно –
этой песне
вся жизнь моя вверена!

1966

Ищу могилу своего отца.
Читаю имена на обелисках

подолгу от начала до конца –
и не встречаю
ни в одном из списков.
Трещат цикады
в зарослях овса.
Ищу могилу своего отца.
Здесь 271 могила
за 20 238
за нашу землю воинов погибло
в ту грозную и огненную осень,
когда на Тульщине краснел
не листопад –
кровоточили раны у солдат.
И возле каждой, онемев, стою.
Желтеют жёлуди в траве,
и – новобранцами –
дубки в строю,
застывшие
в почётном карауле.
И синевы спящие мазки
окрест качают тихо васильки.
Не заживает боль...
И, не устав,
ждут матери,
солдатки и невесты
погибших безымянно.
Стал
и мой отец
солдатом неизвестным.
Последнее письмо:
“Вступаем в бой!”
И продолженьем этих строк –
боль.
Оборвалась его дорога здесь.
Теней солдатских
изваянья встали,
чтоб каждый шаг наш,
каждый час и день
дорог отцовских
продолженьем стали.
Стираю слёзы
с пыльного лица.
Ищу могилу своего отца.
1968